

Основная мысль моего доклада состоит в следующем: толерантность и генетически, и по существу связана с диалогом культур, она является тем специфическим нравственно-психологическим качеством и соответствующей этому качеству линией поведения, которые обеспечивают совместное общежитие, сотрудничество людей, принадлежащих к разным культурам.

1. В обыденной речи и популярных общегуманитарных текстах под толерантностью чаще всего понимается дружелюбие, мягкость, корректность в отношениях, способность находить общий язык с другими, такая позиция в ментальных установках и межчеловеческих отношениях, когда индивид не навязывает грубо себя, свое понимание окружающим, а способен понять других, войти в их положение, посмотреть на вещи их глазами². Она связы-

¹ Академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Автор более 400 публикаций, в том числе: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика».

Вице-президент Российского философского общества, ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Философские науки». Награжден дипломом ЮНЕСКО с вручением медали Махатмы Ганди «За выдающийся вклад в развитие толерантности и ненасилия». Лауреат Государственной премии России в области науки и техники.

² Один из общелингвистических словарей определяет толерантность как «терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» (Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2002. С. 788). В словаре по этике она определена как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равноценной личности и выражается в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в Другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.)» (Этика: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 493).

А. А. Гусейнов¹

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

ваеется со склонностью и способностью к компромиссам, к взвешенной усредненной линии поведения. Толерантный человек мыслится как человек, действующий в духе золотого правила нравственности, которое обязывает индивида поступать по отношению к другим так, как он хотел бы, чтобы с ним поступали другие. Такое понимание толерантности как общечеловеческого качества само по себе верно, но оно не специфично, не выявляет ее собственного содержания и ее особой роли в жизни современного человека и общества. Конечно, толерантность связана со всегда уместной нравственной сдержанностью и уважительностью в отношениях, опирается на общегуманистическую мягкость общественных нравов. Она может быть также аргументирована общепонятными эгоистическими, утилитаристскими соображениями, наподобие того, что мир лучше войны, что взаимопонимание способствует успеху и т. п. Все это ценные суждения, свидетельствующие о том, что толерантность не является изолированным личностным качеством и поведенческой нормой, но они не дают ответа на вопрос, каково собственное содержание этого понятия в отличие или в дополнение к тем качествам и нормам, с которыми оно соседствует, перекрещивается.

Более адекватной, на мой взгляд, является интерпретация толерантности как терпимого отношения индивида к различиям, которые им самим оцениваются негативно. Конкретизируя такое определение, необходимо уточнить, в чем состоит терпимое отношение, сопряженное с толерантностью, и каков характер тех различий, для которых оно требуется.

2. Если говорить обобщенно, терпимость к различиям состоит в отсутствии корректирующего воздействия,

то есть установки на то, чтобы снять, преодолеть их. Однако такого рода терпимость может поддерживаться разными причинами и, соответственно, иметь разный смысл. По Уолцеру¹, терпимость может быть: а) смирением с различиями ради сохранения мира; б) безразличием по формуле «пусть расцветают все цветы»; в) стоическим признанием неизбежного; г) формой интереса к различиям, вызванной уважением к другим моделям, любознательностью, желанием научиться чему-то новому и т. д.; д) одобрением различий из-за красоты многообразия, богатства возможностей в качестве условия расцвета человеческого общества. Как нетрудно заметить, разные формы терпимости располагаются между двумя крайними полюсами, на одном из которых различия воспринимаются как неизбежное или более-менее предпочтительное зло, на другом они рассматриваются в качестве блага. В первом случае различия вынужденно терпят, во втором их сознательно культивируют.

Толерантность, рассмотренная в контексте диалога культур, связана с терпимостью второго рода. Это вызвано и определяется характером различий, которые порождают толерантность как личное качество и стратегию поведения.

3. Различия между людьми могут касаться вкусов, привычек, поведенческих стереотипов, которые хотя и значимы для каждого из них, но не настолько, чтобы он отождествлял с ними свою нравственную сущность. Но они могут также касаться вещей (принципов, верований, убеждений), которые имеют для людей первостепенное нравственно-непререкаемое значение. Скажем, одно дело различия, связанные с тем или иным отношением к моде, а другое дело, различия, связанные с принадлежностью к той или иной религии, национальной культуре. Терпимость нужна и в том и в другом случае, но совершенно разного рода. В первом случае достаточно терпимости в общем смысле, выступающей в форме снисходительности, принятия, практического благоразумия, той самой терпимости, которую проявляет родитель по отношению к непослушным детям, жена по отношению к загулявшему мужу, тонкий знаток музыки по отношению к застольному пению и т. п. Во втором случае требуется терпимость особого рода, или терпимость в собственном смысле слова, которую, собственно говоря, только и можно назвать толерантностью. Это такое качество, которое позволяет либералу и коммунисту заседать в одном парламенте, мусульманину и иудею жить на одной лестничной клетке, китайцу и французку работать в одной лаборатории, позволяет им делать это, не теряя уважения к себе. Предметом толерантности являются глубинные различия людей, касающиеся их мировоззренческих принципов, верований, убеждений. Она представляет собой способ примирения, соединения того, что кажется изначально непримиримым, несоединимым.

4. Толерантность — продукт исторического развития.

Античность выработала, теоретически осмыслила, практически испытала канон основных человеческих добродетелей, куда входили умеренность, мужество, справедливость и рассудительность (мудрость). Они фиксировали нравственную меру отношения индивида к себе и своим согражданам. Хотя отдельные философы и пытались мыслить космополитически, тем не менее нравственный кругозор древних греков обрывается на границе, отделяющей их от варваров. Им совершенно чуждо то, что мы именуем толерантностью. Среди древнегреческих мудрецов мы находим имя скифа Анахарсиса, который, как свидетельствует предание, по возвращению на родину был казнен за то, что изменил своим скифским обычаям. В «Жизнеописаниях» Плутарха есть такой эпизод. Фемистокл велел казнить говорившего на двух языках посланца персидско-

го царя за то, что тот воспользовался эллинским языком для передачи приказаний варвара. И этот поступок Фемистокла, как пишет Плутарх, считался похвальным. В действительности же он был таким же варварским, как и действия скифских варваров, казвивших Анахарсиса. У древних греков не было нравственного ресурса для того, чтобы подняться над своими различиями с варварами.

Средневековые дополнили античный нравственный кодекс теологически ориентированными добродетелями веры, надежды и любви, которые разорвали этнокультурную ограниченность нравственного кругозора и расширили его до границ христианской веры. Однако сама христианская вера стала пределом терпимости, которую неслала христианская мораль. Терпимость не распространялась на веру, о чем свидетельствует характерное для этой эпохи сугубо негативное отношение к язычникам, мусульманам и иудеям.

Религиозный раскол в XVI веке и назревшая потребность перехода общества от сословной разделенности к национальному единству явились серьезным историческим вызовом для европейской культуры. Необходимо было найти формы общественной связи, которые сделали бы возможным существование в рамках одного политико-государственного пространства людей, которых разделяет религиозная вера. Ответом на этот вызов явилась практика веротерпимости — первая и до настоящего времени одна из основных исторических форм толерантности. Путь к ней лежал через долгие и кровавые религиозные войны. Веротерпимость, как говорится, была Европой действительно выстрадана. Первый правовой документ, учредивший практику веротерпимости, был принят в 1598 году. Это был Нантский эдикт. Он провозгласил, что представители реформированной религии не могут принуждаться к отречению и не могут притесняться, признал равенство в правах между ними и католиками в вопросах образования, лечения, государственного призрения².

Толерантность, возникшая как веротерпимость, в ходе длительного, многоаспектного и многотрудного, полного драматизма, слишком часто кровавого всемирного расширения исторического процесса трансформировалась во взаимоважительное отношение и равноправное существование людей, принадлежащих к разным расам, культурам, цивилизациям, придерживающихся различных мировоззрений и стилей жизни. Она была осмыслена и обобщена философами в качестве современной формы гуманизма и нравственного достойного поведения. Толерантность вошла в исторически формирующийся канон нравственных добродетелей и норм поведения. Она качественно преобразовала этот канон. Можно сказать, что толерантность явилась основным этическим достижением новоевропейской культуры, ее вкладом в общечеловеческую нравственность.

5. Современный этап всемирности человеческого существования, получивший название глобализации, характеризуется тем, что взаимодействие представителей разных культур стало систематическим, повседневным и массовым. Это взаимодействие в общем и целом подтверждает адекватность и жизненность толерантности как духовно-нравственной установки. В то же время оно порождает ряд специфических деформаций, вызванных конфликтом традиционно-абсолютистского взгляда на мораль с ее толерантным образом. Так, если сослаться на самый известный пример, правоверные мусульмане, идентифицирующие себя с благочестивым отношением к Мухаммеду, неспособны понять тех европейских интеллектуалов, которые, реализуя свое, как им кажется, нравственно законное право на свободу суждений, рисуют карикатуры на их пророка.

¹ См.: Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 24–25.

² См.: Антология мировой политической мысли. М., 1999. Т. 2. С. 785.

Возникает необходимость рассмотрения и уточнения понятия толерантности в свете целей и практики диалога культур. Наиболее злободневными и трудными являются следующие вопросы: а) означает ли толерантность примирительное отношение к нравственным деструкциям; б) как толерантность сочетается с пафосом истины, который свойствен универсальным мировоззренческим принципам; в) распространяется ли требование толерантности на саму толерантность и в чем должна состоять толерантная позиция по отношению к тем, кто отрицает толерантность?

6. Определения толерантности, как правило, делают оговорку, что она не распространяется на реакционные, преступные идеи. Хотя на первый взгляд такая оговорка кажется совершенно естественной и даже само собой разумеющейся, тем не менее, рассмотренная по сути и логически продуманная, она противоречит самой идее толерантности. В самом деле, потребность в толерантном отношении возникает тогда, когда индивиды придерживаются разных верований, систем ценностей, когда они расходятся в понимании именно того, что считать добром, а что — злом. Толерантность как человеческое качество и стратегия поведения как раз нужна для того, чтобы разрядить данную ситуацию, не дать ей деградировать в насильственное противостояние, что стало бы ее нормальным продолжением, если бы каждая сторона продолжала настаивать на своей правоте. Она предлагает индивиду воздержаться от того, чтобы брать на себя право быть судьей в вопросах добра и зла, нацеливает на понимающее, участливое отношение к другому, несмотря на то, что он не согласен с его взглядами и установками. Если бы у нас была возможность точно узнать, какие идеи являются реакционными, а какие нет, какое поведение является порочным, а какое нет, то в толерантности не было бы никакой нужды. Поэтому утверждать, что толерантность уместна только применительно к прогрессивным идеям, — все равно что предлагать пользоваться компасом только тогда, когда правильно ориентируешься по сторонам света.

В одном из современных богословских текстов я прочитал такую формулу: «Люби врагов своих, ненавидь врагов божьих и бей врагов отчизны». Первый вопрос, который возникает в связи с ней, состоит в следующем: «Как узнать и кто скажет нам, кто является врагом божьим и врагом отчизны?» Разве мало было случаев, когда врагами божьими и врагами отчизны объявляли совсем не тех, кого следовало бы? Допустим, у меня может быть свое, как мне кажется, вполне обоснованное мнение на этот счет. А что если кто-то другой также убежденно объявит врагом и отчизны и Бога уже меня самого? И еще один, не лишний в данной связи вопрос: разводя личных врагов и врагов Бога и отчизны, предлагая любить первых, ненавидеть и уничтожать вторых, не забываем ли мы о ситуации (для нравственно глубокого и последовательного человека вполне закономерной), когда враги Бога и отчизны являются для индивида также вполне личными врагами?! Как же вести себя человеку в этом случае — любить ли врагов или ненавидеть и бороться с ними?! Приходится признать, что Иисус Христос, заповедуя любить и прощать врагов, не проводя между ними селекции по признаку того, являются ли они личными или общественными, не только формулировал более возвышенную нравственность, но и делал это логически более корректно.

Из сказанного вовсе не следует, будто принципы поведения и само поведение нельзя квалифицировать по этическому критерию, в координатах добра и зла. Речь идет о другом — о том, что нет таких знатоков или святых и безупречных людей, кто мог бы это сделать. Отсюда и проистекает стратегия толерантности, которая наце-

ливает на то, чтобы относиться не к принципу, а к индивидам, несущим его, и к ним относиться таким образом, чтобы принцип, даже если он для нас неприемлем, и в первую очередь тогда, когда он для нас неприемлем, не стал препятствием для взаимопонимания и сотрудничества с ними.

Особо надо сказать о том, что толерантность не означает примирительного отношения к нравственным порокам. Она, разумеется, не стирает различий между добродетелью и пороком, добром и злом. Она, как подчеркивалось выше, только запрещает индивидам брать на себя публичную роль судьи в этих вопросах. Кроме того, толерантность означает этическую нейтральность только в отношении философско-религиозно-политических убеждений. Но ее вовсе нельзя понимать как этическую нейтральность по отношению к деструкциям поведения.

7. Человеку свойствен пафос истины, который в первую очередь связан с его мировоззренческим выбором, убеждениями и верованиями. Убеждение в истинности собственных убеждений — важная характеристика последних. Возникает вопрос: не является ли толерантное отношение к иным жизненным принципам, убеждениям, взглядам своего рода гносеологическим капитулянтством и изменой самому себе? В ряде современных философских работ делаются попытки доказать, что объективность и логически сопряженная с ней абсолютность не являются признаками истины. Релятивирование понятия истины на первый взгляд может рассматриваться как стремление привести его в соответствие с потребностями толерантного взгляда на мир. Не затрагивая собственно гносеологических аспектов данной темы, следует сказать, что теоретическое обоснование толерантности не требует отказа от идеи абсолютности истины. Скорее наоборот.

Абсолютная истина является суммой относительных истин. Это означает, что ни одно из ее конкретных воплощений не может быть абсолютным. То же самое относится к абсолютной истине, понятой в качестве высшей истины жизни. Высшая истина потому и является абсолютной и высшей, что отдельному смертному человеку она не доступна. Сказать, что я стою за абсолютную справедливость, и сказать, что мое понимание справедливости является абсолютно справедливым, — не одно и то же. Точно так же сказать: «Я верю в Бога» и сказать: «Все, что я говорю и делаю, суть то, чего хочет Бог» — не одно и то же. Тот, кто всерьез и ответственно относится к первому утверждению, никогда не сделает второго. Вот почему толерантность является условием сосуществования и сотрудничества людей, ориентированных на высшие истины и ценности.

Существенно важно понимать: абсолютная истина, понятая адекватно и принятая всерьез именно как абсолютная (в той мере, конечно, в какой человек вообще способен это сделать), означает, что ни одно из конкретных, претендующих на истинность и действительно являющихся истинными утверждений не является абсолютным. Любое конкретное понимание абсолютной истины является относительным именно потому, что это понимание *абсолютной истины*¹. Ответственное осознание этого ведет к толерантности, которая как раз и является этической санкцией многообразия форм существования и многообразия человеческих путей к абсолютной истине. Мы должны быть толерантны, потому что мы несовершенны,

¹ Другое, по-своему интересное соображение по данному вопросу высказывает отечественный исследователь В. Л. Васюков. Он говорит, что выбор общего принципа, который предстоит исповедовать человеку, представляет собой чисто волевой акт, который не может быть рационально аргументирован. Поскольку решение об универсальных основоположениях является иррациональным, то «единственной парадоксальной возможностью совместного действия остается толерантность по отношению к выбору других» (Васюков В. Л. Толерантность и универсализм // Философский журнал. 2008. № 1. С. 155).

потому что можем ошибаться. Именно по этой причине мы нуждаемся друг в друге. Толерантность не означает и не требует согласия со взглядами других, их одобрения, она является деятельным признанием права человека на собственный путь к истине. Быть толерантным — значит понимать, что ты не обречен на истину, а другой не отлучен от нее.

Толерантность как взаимная терпимость людей с разными взглядами и принципами не означает, что она дезавуирует различие во взглядах и принципах, принимая тем самым их роль в жизнедеятельности человека. Она лишь признает возможность, допустимость, законность этих различий, задает такую жизненную позицию, когда они не закрывают дорогу для сотрудничества — сотрудничества, которое в какой-то степени может проистекать благодаря этим различиям, но в решающей мере, конечно, осуществляется, несмотря на них.

8. Особым является вопрос о том, как толерантность, культивирующая мировоззренческий плюрализм, согласуется с концепцией прав человека, которая заявляется в качестве универсального—транснационального, транскультурного—гуманитарного проекта. Здесь, несомненно, есть известное напряжение и даже противоречие, если только права человека понимать как догматическую совокупность абстрактных ценностей западного происхождения. В действительности они в таком «оголенном» виде не существуют нигде, в том числе и на Западе. Понимание и конкретное осуществление прав человека меняется от культуры к культуре, от страны к стране, от эпохи к эпохе. Права человека сами по себе существуют разве только в текстах философов и деклараций. В реальности мы наблюдаем многообразные опыты их осуществления. Толерантность означает, что ни один из этих опытов нельзя абсолютизировать.

Рассматривая толерантность в соотнесенности с правами человека, можно сказать, что она в известном смысле является ключом для понимания универсальной природы последних.

9. Испытанием общих принципов, определяющих стратегию поведения, является их обращение на самих себя. Хорошо известна логическая ловушка, в которую попал герой повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», утверждавший, что он отрицает все принципы. На вопрос, является ли такое отрицание его принципом, он вынужден был ответить утвердительно, дискредитировав тем самым свой исходный тезис. Трудность, возникающая в случае толерантности, состоит в следующем: распространяется ли толерантное отношение на мировоззренческие установки, отрицающие толерантность? Или, говоря по-другому, более точно: «Не отрицает ли толерантность саму себя в качестве всеобщего, универсального принципа?» А тем самым не ставится ли под сомнение ее нравственный статус, если иметь в виду, что универсализуемость является специфическим признаком нравственных основоположений? Чтобы ответить на эти вопросы, надо сделать два уточнения.

Первое. Особенность различий, с которыми имеет дело толерантность, состоит в том, что они, рассмотренные как результат индивидуального морального выбора, не поддаются квалификации по строгим, объективно удостоверяемым критериям (истины/заблуждения; прогрессивности/реакционности и т. д.). Этим они отличаются от других различий между людьми. Например, вкусы могут быть консервативными или модными, манеры — развязными или сдержанными, здоровье — крепким или слабым, образование — высшим, средним, начальным или вообще никаким, самооценка — завышенной, заниженной, адекватной, воспитание — патерналистским или антиавторитарным и т. д. и т. п. Но нельзя сказать, какое верование — христианское или мусульманское, какое мировоззрение — марксистское или либеральное, рассмотренное в качестве личной позиции, является более предпочтительным по какому-либо поддающемуся продуктивному обсуждению критерию. Каждый приверженец соответствующей веры и социально-мировоззренческой позиции может вполне искренне быть уверен в ее правоте, истинности, прогрессивности и имеет одинаковые основания быть в этом уверенным.

Второе. Толерантность в качестве индивидуально-ответственной нравственной позиции является требованием, которое индивид предъявляет к самому себе. Понятая в качестве безличной нормы, соблюдение которой декларируется в качестве всеобщей обязанности, она становится элементом политико-правовой системы. Вообще особенность нравственного принципа состоит в том, что это такой принцип, который действующий индивид мыслит в качестве всеобщего и в этом качестве повелительным, безусловно обязательным для самого себя. То, что говорится о толерантности, есть общий признак нравственного требования как такового. Это требование, которое человек предъявляет не к другим, и даже не может, не имеет разумных оснований предъявлять к другим, а только к самому себе.

При сделанных уточнениях становится очевидным, что толерантность приобретает несомненную практическую действенность в качестве осознанного запрета на то, чтобы навязывать свои мировоззренческие убеждения и верования другим. Быть толерантным не значит требовать этого от взглядов других. Быть толерантным означает не навязывать другим своих взглядов. Так понятая толерантность обладает нравственной всеобщностью. Она тем самым открывает дорогу для взаимодействия, сотрудничества людей разных мировоззрений, религий, культур по тем вопросам, в тех сферах и формах, в которых они к такому взаимодействию и сотрудничеству готовы.

Таким образом, толерантность, понятая адекватно, в ее специфическом, исторически сложившемся содержании является нравственно-психологической основой диалога культур. И в то же время сам диалог культур является той реальностью современной общественной жизни, которая позволяет правильно понять суть и смысл толерантности.